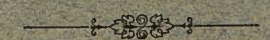
Е. В. Пѣтуховъ.

В. А. ЖУКОВСКІЙ

ВЪ ДЕРПТѢ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1897.

В. И. ЛЕНИН

БЫЛ САМЫМ АККУРАТНЫМ

ЧИТАТЕЛЕМ БИБЛИОТЕКИ

Владимир Ильич, разумеется, не считал предосудительным или ниже своего достоинства быть одним из самых аккуратных абонентов библиотеки имени Г. А. Куклина. Он вполне одобрял и ценил заведенные нами „строгие" порядки, обеспечивающие правильный кругооборот книг и целость редкостных экземпляров и архивных материалов. Владимир Ильич НЕ „ЗАЧИТАЛ" НИ ОДНОЙ КНИГИ и всегда уплачивал за чтение по тарифу.

Из воспоминаний тов. Карпинского „Записки Института ЛЕНИНА" т. II, стр. 97.

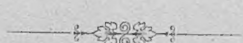
Издание Куйбышевской областной библиотеки

ЕО 13578. Зак. 50 тир. 50000. Тип. КуАИ,

Е. В. Пѣтуховъ.

В. А. ЖУКОВСКІЙ

ВЪ ДЕРПТѢ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1897.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Апрѣль 1897 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. II (1897 г.), кн. 2-ой, стран. 361—399.

В. А. Жуковскій въ Дерптѣ.

I.

Пребываніе Жуковскаго въ Дерптѣ (1815—1817 г.) составляетъ, какъ извѣстно, одну изъ существенныхъ частей въ біографіи нашего поэта-романтика; тутъ произошли съ нимъ событія, имѣвшія глубокое вліяніе на ходъ всей послѣдующей его жизни.

Хотя въ существующихъ доселѣ біографическихъ сочиненіяхъ о Жуковскомъ [1]) этотъ періодъ жизни его не только отмѣченъ, но и сдѣлана ему соотвѣтствующая оцѣнка, однако, благодаря появившемуся по выходѣ этихъ книгъ новому важному біографическому и историко-литературному матеріалу [2]), есть въ настоящее время возможность ознакомиться гораздо ближе съ этими годами жизни и дѣятельности Жуковскаго.

Извѣстно, что Жуковскій, по особеннымъ обстоятельствамъ своего рожденія (29 янв. 1783 г.) въ семьѣ Аѳ. Ив. Бунина (въ селѣ Мишенскомъ, Бѣлевскаго уѣзда, Тульской губ.), дѣтскіе и отчасти юношескіе годы свои провелъ въ сельской и провинці-

1) П. А. Плетневъ. О жизни и сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго. Спб. 1853; перепечатано въ изд. «Сочиненія и переписка П. А. Плетнева. Изд. Я. Гротъ», т. III. Спб. 1885, стр. 60—148; К. К. Зейдлицъ. Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго. Спб. 1883; П. Загаринъ (Л. Поливановъ). В. А. Жуковскій и его произведенія. Изд. 2. М. 1883.

2) Вас. Андр. Жуковскій въ его письмахъ. Сообщ. д-ръ К. К. Зейдлицъ и проф. П. А. Висковатовъ. «Русская Старина» 1883, №№ 1—10; Письма В. А. Жуковскаго къ Алекс. Ив. Тургеневу. Изд. «Русскаго Архива», съ примѣчаніями И. А. Бычкова. М. 1895.

альной обстановкѣ среди многочисленныхъ членовъ семьи, родственной ему по кровнымъ узамъ и по взаимной душевной симпатіи, но формально чужой и посторонней. Особенно сблизился онъ съ двумя своими племянницами Марьей Андреевной и Александрой Андреевной Протасовыми, дочерьми Екатерины Аѳанасьевны, родной дочери Аѳ. Ив. Бунина, отца Жуковскаго. Будучи на 13 лѣтъ моложе Екатерины Аѳанасьевны, онъ всегда видѣлъ въ ней скорѣе тетку, нежели сестру, а въ своихъ племянницахъ видѣлъ болѣе сестеръ, съ которыми соединяла его не только долговременная совмѣстная жизнь, но и болѣе серьезныя узы: въ 1805 году, когда Марьѣ Андреевнѣ было 12 лѣтъ, а Александрѣ Андреевнѣ 10, Жуковскій вызвался, въ виду тяжелаго матеріальнаго положенія Екатерины Аѳанасьевны послѣ смерти мужа, обучать ея дочерей, для чего они и поселились въ скромномъ наемномъ домикѣ въ Бѣлевѣ. И вотъ Жуковскій, кончившій курсъ въ Благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ и уже нѣсколько извѣстный тогда въ литературѣ, въ продолженіе трехъ лѣтъ велъ со своими ученицами систематическія, преимущественно литературныя занятія, увлекаясь вмѣстѣ съ ними чтеніемъ Шиллера и Гёте, Шекспира, Расина, Вольтера и Буало, Державина, и вмѣстѣ съ тѣмъ усердно продолжалъ участвовать въ текущей литературѣ и поддерживать перепиской литературныя знакомства съ обѣими столицами, особенно съ Москвой. Вѣроятно, въ эти годы (1805—1808) совмѣстныхъ литературныхъ занятій образовалась и окрѣпла у Жуковскаго та глубокая привязанность его къ старшей изъ своихъ ученицъ, Марьѣ Андреевнѣ, которая сыграла столь видную роль во всей послѣдующей его жизни; едва ли можно сомнѣваться и въ томъ, что Марья Андреевна, въ свою очередь сильно полюбившая Жуковскаго, оказала сильное вліяніе на своего учителя своей глубоко-нѣжной, женственной и воспріимчивой душой, развивая въ немъ положенные природой зачатки мечтательности и романтизма.

Въ 1808 году въ отношеніяхъ Жуковскаго къ М. А. Про-

тасовой наступаетъ перерывъ, такъ какъ Жуковскій въ этомъ году переселяется въ Москву и, подъ вліяніемъ желанія составить себѣ опредѣленное общественное положеніе, а также жажды серьезной литературной работы, принимаетъ на себя редакцію «Вѣстника Европы», основаннаго Карамзинымъ и бывшаго передъ тѣмъ въ рукахъ профессора Московскаго университета М. Т. Каченовскаго. Самъ Жуковскій въ продолженіе двухъ лѣтъ своего редакторства помѣстилъ въ «Вѣстникѣ Европы» много своихъ стихотворныхъ (оригинальныхъ и переводныхъ) и прозаическихъ трудовъ, въ которыхъ иногда проскальзывали воспоминанія о покинутой имъ деревенской жизни: таково, между прочимъ, и разсужденіе «Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ» [1]), гдѣ нарисованный авторомъ идеалъ семейной жизни несомнѣнно носитъ на себѣ слѣды недавней жизни Жуковскаго въ семьѣ Е. А. Протасовой, которая въ это время переселилась изъ Бѣлева въ свою деревню Муратово. Вернувшись, послѣ двухлѣтней журнальной дѣятельности, на родину въ 1810 году, Жуковскій задумалъ устроить себѣ собственный уголъ и для этого купилъ, на доставшіяся ему отъ Буниныхъ деньги, сосѣднюю съ Муратовымъ деревню, — и вотъ тутъ опять начинаются у Жуковскаго близкія сношенія со своими бывшими ученицами, изъ которыхъ Марьѣ Андреевнѣ было въ эту пору уже 17 лѣтъ. По свидѣтельству одного изъ ближайшихъ друзей Жуковскаго [2]), у него тутъ впервые возникла мысль о женитьбѣ на Марьѣ Андреевнѣ; но мысль эту онъ хранилъ пока отъ самой избранницы своего сердца, по временамъ давая исходъ своему чувству въ неопредѣленныхъ поэтическихъ намекахъ и изображеніяхъ въ посланіяхъ къ друзьямъ, напр. къ Батюшкову (1812) [3]); къ самой Марьѣ Андреевнѣ обращено было въ это время чисто идеальное, по выраженному въ немъ чувству, стихотвореніе

1) В. Е. 1808 г., ч. XXXIX, стр. 220.

2) Зейдлицъ, стр. 45.

3) Сочиненія В. А. Жуковскаго. Изд. 8. Спб. 1885. Т. I, стр. 238. Ср. Зейдлицъ, стр. 46—47.

«Къ ней» (1810) [1]). Въ 1812 году однакоже, безъ сомнѣнія увѣренный въ чувствѣ къ себѣ Марьи Андреевны, Жуковскій рѣшился поговорить о возможности своей женитьбы на ней съ матерью ея Е. А. Протасовой, но та отнеслась къ этой мысли совершенно отрицательно, видя въ такомъ бракѣ грѣхъ въ виду кровныхъ родственныхъ связей Марьи Андреевны съ Жуковскимъ; и никакія просьбы и убѣжденія, шедшія отъ разныхъ членовъ семьи, сочувствовавшихъ Жуковскому, даже самыя авторитетныя указанія на то, что въ этомъ нѣтъ никакого грѣха (такъ какъ формально Жуковскій не былъ родственникомъ Марьи Андреевны), шедшія отъ гражданской и духовной власти (напр., отъ митрополита Филарета), не могли впослѣдствіи поколебать предубѣжденія Екатерины Аѳанасьевны; назвать своей женой Марью Андреевну Жуковскому не пришлось никогда, и такимъ образомъ тотъ семейный идеалъ, который былъ впервые составленъ Жуковскимъ въ своемъ воображеніи и съ мукой выношенъ въ сердцѣ, остался для него навсегда недостижимымъ.

Такъ какъ Жуковскій послѣ перваго разговора съ Екатериной Аѳанасьевной все-таки, естественно, не покидалъ надежды, то она принудила его оставить Муратово, и Жуковскій, въ самомъ тяжеломъ состояніи духа, не находя другого исхода, поступилъ въ августѣ 1812 года въ московское ополченіе и сопровождалъ нѣкоторое время русскую армію въ достопамятную отечественную войну; этому періоду жизни Жуковскаго мы обязаны, какъ извѣстно, нѣкоторыми его патріотическими стихотвореніями, между прочимъ и «Пѣвцомъ въ станѣ русскихъ воиновъ» (1812), въ которомъ нашлось мѣсто и для возлюбленной его Маши:

Ахъ, мысль о той, кто все для насъ,
Намъ спутникъ неизмѣнный;

---

1) Сочиненія, т. I, стр. 204—205.

Вездѣ знакомый слышимъ гласъ,
Зримъ образъ незабвенный;
Она на бранныхъ знаменахъ,
Она въ пылу сраженья;
И въ шумѣ стана, и въ мечтахъ
Веселыхъ сновидѣнья! [1]).

Но, послѣ серьезной болѣзни, перенесенной Жуковскимъ въ походѣ еще до границы, мы видимъ его возвратившимся снова, въ началѣ 1813 года, подъ домашній кровъ — вѣроятно, по соглашенію съ Екатериной Аѳанасьевной никогда не заводить уже больше рѣчи о бракѣ съ Марьей Андреевной. При такихъ условіяхъ пребываніе Жуковскаго вблизи послѣдней должно было быть для него особенно тягостно, и, дѣйствительно, отраженіе такого его душевнаго состоянія находимъ мы въ сохранившейся части его Дневника, писанной въ ночь съ 25 на 26 февраля 1813 года въ Муратовѣ. Отрывокъ этотъ писанъ Жуковскимъ, какъ видно изъ его начала, передъ говѣньемъ и имѣетъ характеръ какъ-бы исповѣди передъ самимъ собой, передъ собственной совѣстью: въ силу этого, независимо отъ обычной искренности Жуковскаго, эта часть Дневника получаетъ особое автобіографическое значеніе. Тутъ Жуковскій пытается взглянуть на себя въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, но этотъ взглядъ вращается главнымъ образомъ вокругъ вопроса о недостижимомъ счастіи съ Марьей Андреевной.

«Вотъ мнѣ тридцать лѣтъ — пишетъ Жуковскій — а то, что называется истинною жизнью, мнѣ еще незнакомо. Я не успѣлъ быть сыномъ моей матери: въ то время, когда началъ чувствовать счастіе сыновняго достоинства, она меня оставила; я думалъ отдать права ея другой матери, но эта другая мать [2]) дала мнѣ уголъ въ своемъ домѣ, а отдѣлена была отъ меня вѣчнымъ

1) Сочиненія, т. I, стр. 276.
2) Рѣчь идетъ объ Е. Аѳ. Протасовой.

подозрѣніемъ; семейственнаго счастія для меня не было; всякое чувство надобно было стѣснять въ глубинѣ души; не смотря на нѣкоторые признаки дружбы, я сомнѣвался часто, существуетъ ли эта дружба и всегда оставался въ нерѣшимости, чрезмѣрно тягостной...» Причина этому — одна, именно желаніе получить руку Марьи Андреевны, нашедшее себѣ противодѣйствіе въ ея матери. «Но — продолжаетъ Жуковскій — эта *одна причина...* долженъ ли ее стыдиться? Могу ли себя упрекать? О нѣтъ, я теперь сужу себя безпристрастно! Совѣсть моя спокойна: я не желаю ни невозможнаго, ни непозволеннаго. Въ этомъ никто не переувѣритъ меня; исполнится ли то, что одно можетъ дать мнѣ счастіе, это, къ несчастію, зависитъ не отъ меня, а отъ другихъ; но для меня останется по крайней мѣрѣ увѣреніе, что я искалъ его не въ низкомъ, не въ томъ, что противно Творцу и человѣческому достоинству, а въ лучшемъ и благороднѣйшемъ; я привязывалъ къ нему все лучшее въ жизни — не будетъ его, не будетъ и прочаго; не моя вина. Останется дожить какъ-нибудь положенный срокъ, который, вѣроятно, будетъ и не дологъ. Жаль жизни — такой, какъ я ее представляю, тихой, ясной, дѣятельной, посвященной истинному добру; но того, что обыкновенно называютъ жизнію — того совсѣмъ не жаль, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше». Переходя отъ прошедшаго къ настоящему, Жуковскій спрашиваетъ себя: «что же въ настоящемъ?» и отвѣчаетъ: «все еще одна надежда», которой у него «пробуждаются лучшія чувства и какая-то живая, сладостная вѣра, необходимость любить Провидѣніе и на него полагаться». Наконецъ, — будущее. «Но будущее! — говоритъ Жуковскій — оно пугаетъ меня своей неизвѣстностью. Я могу здѣсь дать себѣ отчетъ только въ однихъ намѣреніяхъ; ихъ исполненіе не въ моей власти... Какія мои намѣренія? Имѣть драгоцѣннѣйшія связи; ихъ сохраненію посвятить свою жизнь; спокойствіе души, усовершенствованіе сердца, дѣятельность мнѣ свойственная, самая религія — все для меня въ одномъ! Какъ же не желать его всѣми силами души!... Самъ бросить своего счастія не

могу: пускай его у меня вырвутъ, пускай его мнѣ запретятъ; тогда по крайней мѣрѣ не я буду причиною своей утраты» [1]).

Въ концѣ 1813 года въ кругу обитателей Муратова появилось новое лицо — А. Ѳ. Воейковъ, довольно извѣстный въ то время литераторъ и знакомецъ Жуковскаго, который свелъ его и съ семействомъ Протасовыхъ. Этотъ весьма хитрый и ловкій, но по нравственнымъ своимъ качествамъ не вполнѣ безупречный человѣкъ скоро вошелъ въ довѣріе какъ къ самому Жуковскому, такъ и къ окружавшей его семьѣ; онъ поспѣшилъ воспользоваться своимъ выгоднымъ, скоро пріобрѣтеннымъ положеніемъ, чтобы посвататься за младшую Протасову, Александру Андреевну, получилъ согласіе на это дочери и матери и, благодаря матеріальной помощи Жуковскаго (продавшаго для этого единственное свое имѣніе за 11.000 рублей), свадьба эта состоялась 14 іюля 1814 года. Въ томъ же году Воейковъ назначенъ былъ профессоромъ русскаго языка и литературы въ Дерптскій университетъ, и вмѣстѣ съ нимъ и его женой въ Дерптъ переѣхали Екатерина Аѳанасьевна и Марья Андреевна Протасовы. За ними, влекомый чувствомъ привязанности къ Марьѣ Андреевнѣ и не покидавшей его надеждой на благопріятный исходъ дѣла, рѣшился переѣхать въ Дерптъ и Жуковскій.

Собираясь въ этотъ далекій путь, Жуковскій переживалъ однакоже тяжелое душевное состояніе, такъ какъ къ его надеждѣ примѣшивалась по временамъ большая доза отчаянія, да и Екатерина Аѳанасьевна смотрѣла на этотъ переѣздъ Ж-го не вполнѣ благосклонно. Вотъ что пишетъ онъ объ этомъ въ письмахъ къ А. И. Тургеневу; «Отъ дерптской жизни не жду ни счастія, ни покоя. Надобно имѣть подлѣ себя другіе характеры, чтобы имѣть и то и другое. Но все замѣнится милымъ *вмѣстѣ*... [2]) Тамъ (т. е. въ Дерптѣ) уже точно не будетъ ни въ чемъ отрады, кромѣ одной

1) Русская Старина 1883, № 1, стр. 209—212.
2) Стр. 133 (отъ 1 дек. 1814 года, изъ Долбина).

мысли, что *я съ нею*, что намъ одна судьба и что я долженъ и могу эту судьбу считать какъ за испытаніе, какъ за средство быть лучшимъ. Такая мысль въ иныя минуты ободряетъ. Но часто душа разорвана въ клочки, и рвутъ ее съ такой холодностью, которая меня иногда выводитъ изъ себя [1]). Ты можешь понять, что я несчастливъ—и самымъ убійственнымъ образомъ... Можетъ быть, дерптская жизнь моя будетъ лучше, нежели какъ я себѣ ее представляю; но если она будетъ такова, какою мнѣ видится въ иныя минуты, то и я, и Маша пропадемъ. Прощай тогда и талантъ, и слава! Хорошо, когда бы можно сказать безъ неблагодарности: прощай и жизнь! [2])». При такомъ настроеніи естественно, что надежды Ж—го представляются ему «химерою сумасшедшаго», которую онъ въ одномъ своемъ письмѣ къ Авдотьѣ Петровнѣ Кирѣевской (урожд. Юшковой, которая, живя вмѣстѣ съ своей сестрой Анной Петровной, въ замужествѣ Зонтагъ, въ Долбинѣ, приходилась по крови племянницей Ж—му со стороны ихъ матери Варвары Аѳанасьевны Буниной, въ замужествѣ Юшковой), отъ 16 апр. 1814 года изъ Муратова олицетворяетъ въ образѣ своего «спутника», который ведетъ съ нимъ грустный разговоръ» [3]). Въ другомъ письмѣ къ этому же своему другу и доброжелательницѣ Ж. говоритъ о себѣ такъ: «Теперешнее мое бытіе для меня такъ тяжело, какъ самое ужасное бѣдствіе. Для меня было бы величайшимъ наслажденіемъ попасть въ горячку, въ чахотку или что-нибудь подобное и увидѣть вдругъ вблизи *прелестный край чудесъ*»; на утѣшеніе въ горѣ поэзіей онъ отвѣчаетъ такъ: «Поэзія и счастье одно и тоже! Можно съ большимъ наслажденіемъ ковать подковы или строгать доски, чтобы разсѣять себя усталостію! Но писать стихи—для этого нужно быть въ свѣтѣ, имѣть надежду на жизнь, потому что со всякою хо-

---

1) Тутъ имѣются въ виду отношенія къ нему Екатерины Аѳанасьевны Протасовой, характеристику дѣйствій которой относительно Жуковскаго см. въ одномъ письмѣ его къ А. П. Кирѣевской: Русская Старина 1883, № 2, стр. 435.

2) Стр. 138—139, 140 (отъ 1 февр. 1815, изъ Москвы).

3) Русская Старина 1883 № 2, стр. 432—433.

рошею мыслію сливается нечувствительно и земное воспоминаніе о томъ, что мило въ жизни!» [1])

И вотъ въ эти минуты отчаянія въ вѣрующей душѣ Ж—го возникаетъ и укрѣпляется мысль, что это несчастіе послано ему Провидѣніемъ какъ средство нравственно очиститься и возвыситься [2]); онъ смотритъ на него все болѣе и болѣе со стороны самопожертвованія въ пользу Маши, спокойствіе которой для него составляетъ такую драгоцѣнность, что онъ готовъ отдать за него даже ея къ нему привязанность» [3]); эта послѣдняя мысль, выраженная Ж—скимъ весьма настойчиво и много разъ, впослѣдствіи, какъ мы увидимъ, была осуществлена имъ на дѣлѣ.

Но чтобы видѣть, какой цѣною пріобрѣлъ Ж. согласіе Екатерины Аѳанасьевны на поѣздку его вмѣстѣ съ ними въ Дерптъ, довольно привести одно мѣсто изъ его письма къ Марьѣ Андреевнѣ, писанное имъ весною 1815 года въ Муратовѣ, передъ отъѣздомъ [4]): «Намъ надобно знать и исполнить то, на что мы рѣшились. Дѣло идетъ не о томъ только, чтобы быть вмѣстѣ, но и о томъ, чтобы этого стоить; слѣдовательно, не по одной наружности исполнять данное слово, а въ сердцѣ быть ему вѣрными... Сказавъ ей (т. е. Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ), что я ей братъ [5]), мнѣ должно быть имъ не на однихъ словахъ, не для того единственно, чтобы получить этимъ именемъ право быть вмѣстѣ... Теперь, когда все, и самое чувство пожертвовано, когда оно перемѣнилось въ другое, лучшее и нѣжнѣйшее, насъ съ нею ничто не будетъ рознить. Но, милый другъ, я хочу, чтобы и ты была совершенно

1) Р. Старина 1883 г., № 2, стр. 438, 442. Ср. Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 133.

2) Тамъ же, стр. 453.

3) Тамъ же, стр. 452.

4) Можно думать, что письменную форму обращенія къ лицу, жившему съ нимъ въ одномъ домѣ, устной предпочелъ Ж. не только потому, что онъ вообще склоненъ былъ прибѣгать къ письму въ разныхъ обстоятельствахъ жизни, но и потому еще, что Е. А. Протасова, подозрительно и недовѣрчиво смотрѣвшая на отношенія дочери къ Жуковскому, затрудняла имъ способы личныхъ сношеній.

5) Т. е., что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отказывается отъ мысли жениться на Марьѣ Андреевнѣ.

со мною согласна, чтобы была въ этомъ мнѣ и примѣромъ и подпорою... Чего я желалъ? Быть счастливымъ *съ тобою!* Изъ этого теперь должно выбросить только одно слово, чтобы все замѣнить. Пусть буду счастливъ *тобою!* Право, для меня все равно *твое счастье* или *наше счастье.* Поставь себѣ за правило все ограничить одной собою; повѣрь, что будешь тогда все дѣлать и для меня. Моя привязанность къ тебѣ теперь точно безъ примѣси собственнаго, и отъ этого она живѣе и лучше... Думай беззаботно о себѣ, все дѣлай для себя—чего для меня болѣе? Я буду знать, что я участникъ въ этомъ миломъ счастіи. Какъ жизнь будетъ для меня дорога! Между тѣмъ я имѣю собственную цѣль—работа для пользы и славы! Не легко ли будетъ работать? Все пойдетъ изъ сердца и все будетъ понятно для добрыхъ!» [1]). Т. о. очевидно, продолженіе жизни *вмѣстѣ* соединено было съ обоюднымъ условіемъ (потребованнымъ Екатериной Аѳанасьевной), похоронить прежнія чувства и замѣнить ихъ отношеніями Ж—го къ Марьѣ Андреевнѣ какъ отца къ дочери.

Переѣздъ въ Дерптъ Жуковскаго съ Воейковыми предположенъ былъ зимою 1814—1815 года [2]) черезъ Москву и даже Петербургъ [3]), но дѣло нѣсколько затянулось [4]); въ Москвѣ было рѣшено, что Воейковы поѣдутъ въ Дерптъ впередъ въ концѣ января 1815 года, а самъ Жуковскій остался еще на нѣкоторое время въ древней столицѣ, изъ которой выѣхалъ въ началѣ марта — но уже прямо въ Дерптъ, не заѣзжая въ Петербургъ: «не заѣду въ Петербургъ теперь оттого — пишетъ онъ А. И. Тургеневу — что хочу скорѣе ихъ (т. е. Воейковыхъ и Протасовыхъ) увидѣть и узнать, каково они доѣхали» [5]). Пріѣхалъ

1) Русская Старина 1883 г., № 3, стр. 666—667. Ср. письма къ А. И. Тургеневу, стр. 126.

2) Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 127.

3) Тамъ же, стр. 135.

4) Жуковскій принималъ самое дѣятельное участіе въ планахъ устройства будущей дерптской жизни родной ему семьи, о чемъ свидѣтельствуютъ черновыя его тетради 1814 года: см. Бумаги В. А. Жуковскаго, поступившія въ И. Публ. библіотеку въ 1884 году. Описаны И. Бычковымъ. Спб. 1887, стр. 7.

5) Письма, стр. 139.

онъ въ Дерптъ въ мартѣ 1815 года, съ утраченными надеждами на личное счастіе и съ намѣреніемъ заняться въ новой обстановкѣ такими литературными трудами, которыя требовали книжныхъ справокъ и разысканій; на первомъ планѣ стояло изданіе сочиненій М. Н. Муравьева и поэма «Владиміръ» [1]).

Но въ Дерптѣ Жуковскаго ожидало жестокое разочарованіе въ той самой семьѣ, къ которой онъ такъ неудержимо, минуя Петербургъ, стремился. Онъ, несомнѣнно, надѣялся на долгое и спокойное пребываніе въ Дерптѣ вблизи Марьи Андреевны, на что даже съ точки зрѣнія ея матери, думалъ онъ, онъ имѣетъ полное нравственное право, отказавшись отъ мысли о личномъ счастіи и поставивъ себя относительно Марьи Андреевны въ положеніе отца. Однако Екатерина Аѳанасьевна не вѣрила искренности Жуковскаго и вскорѣ по пріѣздѣ его въ Дерптъ выразила желаніе, чтобы онъ ихъ оставилъ. Объ этомъ печальномъ для себя оборотѣ дѣла и сопряженномъ съ нимъ душевномъ состояніи Жуковскій говоритъ въ письмѣ къ Марьѣ Андреевнѣ, съ которой, живя въ одномъ домѣ (у Воейкова), принужденъ былъ переписываться, какъ въ Муратовѣ, такъ какъ личныя его отношенія съ Марьей Андреевной были, очевидно, стѣснены. «Осмотрѣвшись въ Дерптѣ — пишетъ онъ ей вскорѣ по пріѣздѣ въ Дерптъ — я увѣренъ, что здѣсь работалъ бы я такъ, какъ нигдѣ нельзя работать — никакого разсѣянія, тьма пособій и ни малѣйшей заботы о томъ, чѣмъ бы прожить день, и при всемъ этомъ первое, единственное мое счастіе — семья. Съ такимъ чувствомъ пошелъ я къ ней, *къ моей сестрѣ*! — Что же въ отвѣтъ? Разстаться! Она увѣряетъ меня, что не отъ недовѣрчивости, а для сохраненія твоей и ея репутаціи! Милая, эта послѣдняя причина должна бы удержать ее еще въ Муратовѣ... Нѣтъ! Эта причина не справедливая! или должно было меня еще остановить въ Москвѣ! И теперь, въ ту самую минуту, когда я только думалъ начать жить прекраснѣйшимъ об-

---

1) Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 127, 143.

разомъ, все для меня разрушено. Я не раскаяваюсь въ своемъ пожертвованіи — можно ли раскаяться когда-нибудь въ томъ, что возвышаетъ душу! Но я надѣялся имъ заплатить за счастіе, и я былъ бы истинно счастливъ, если бы она только этого захотѣла, если бы она прямо мнѣ повѣрила, если бы поняла, какъ чисто и свято то чувство, которымъ я былъ наполненъ?» [1]). Еще подробнѣе и обстоятельнѣе разсказываетъ объ этомъ Жуковскій въ письмѣ изъ Петербурга (куда онъ вскорѣ уѣхалъ), отъ 12 мая 1815 года къ А. П. Кирѣевской. Изъ него оказывается, что еще до пріѣзда Жуковскаго въ Дерптъ черезъ этотъ городъ проѣзжалъ какой-то генералъ Красовскій, и Екатерина Аѳанасьевна подала ему относительно Марьи Андреевны большія надежды. Считая себя относительно послѣдней въ положеніи отца, Жуковскій рѣшился говорить объ ея участи съ матерью. Сначала его приняли холодно и даже оскорбительно; онъ обратился тогда къ Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ съ письмомъ, которое возымѣло свое дѣйствіе, но не на долго: «между тѣмъ старая принужденность оставалась; брата боялись, и братъ, чтобы сказать Машѣ то, что могъ бы онъ ей говорить вслухъ передъ цѣлымъ свѣтомъ, долженъ былъ потихоньку съ нею переписываться!... Итакъ, чтобы не потерять къ себѣ уваженія, я долженъ былъ уѣхать!» [2]).

А между тѣмъ А. И. Тургеневъ звалъ Жуковскаго въ Петербургъ, хлопоча о выгодномъ тамъ для него мѣстѣ. По поводу этихъ хлопотъ Жуковскій еще на пути въ Дерптъ изъ Москвы (4 февраля 1815 г.) писалъ Тургеневу: «Братъ, не забывай, ради Бога, что мнѣ ни мѣсто, ни жалованье не могутъ быть нужны. Мое мѣсто знаешь гдѣ [3]), и все возможное счастіе тамъ же... Мнѣ этого счастія ничто никогда замѣнить не можетъ» [4]). Но затѣмъ, пробывъ лишь нѣсколько дней въ Дерптѣ (очевидно,

---

1) Русская Старина 1883, № 3, стр. 669—670.
2) Русская Старина 1883, № 3, стр. 675—677.
3) Т. е. возлѣ Марьи Андреевны.
4) Письма, стр. 141.

послѣ объясненія съ Екатериной Аѳанасьевной) онъ пишетъ уже Тургеневу (отъ 1 апрѣля 1815 г. изъ Дерпта): «Можетъ быть, намъ опредѣлено съ тобою жить *неразлучно*», а потомъ въ слѣдующемъ письмѣ (отъ 12 апрѣля 1815 г.): «Я, можетъ быть, скорѣе буду (въ Петербургъ, чѣмъ предполагалъ). Судьба жметъ меня въ комокъ, потомъ разожметъ, потомъ опять скомкаетъ. Видно, что только близъ одного тебя мнѣ совсѣмъ раскомкаться... Если можно имѣть хотя немного независимости (въ Петербургѣ), то остаюсь съ тобою, твой товарищъ на жизнь»[1]). И дѣйствительно, въ апрѣлѣ же 1815 года, т. е. едва проведя мѣсяцъ въ Дерптѣ, Жуковскій является въ Петербургѣ. Уѣзжая изъ Дерпта, Жуковскій повидимому не зналъ, вернется ли онъ еще въ покидаемую имъ семью или нѣтъ. Въ прощальномъ письмѣ къ Марьѣ Андреевнѣ онъ писалъ (29 марта 1815 г.): «Милый другъ, надобно сказать тебѣ что-нибудь въ послѣдній разъ. У тебя много остается утѣшенія; у тебя есть добрый товарищъ — твоя смирная покорность Провидѣнію. Она у тебя не на словахъ, а въ сердцѣ и на дѣлѣ». Оставляя ей для чтенія Фенелона и обѣщаясь прислать Массильона, Жуковскій видѣлъ въ этомъ чтеніи для нея «не занятіе, а жизнь и усовершенствованіе сердца и мыслей». «Пусть это чтеніе напоминаетъ тебѣ обо мнѣ, о человѣкѣ, который желалъ быть твоимъ товарищемъ во всемъ добромъ. Я никогда не забуду, что всѣмъ тѣмъ счастіемъ, какое имѣю въ жизни, обязанъ тебѣ, что ты мнѣ давала лучшія намѣренія, что все лучшее во мнѣ было соединено съ привязанностію къ тебѣ, что наконецъ тебѣ же я былъ обязанъ самымъ прекраснымъ движеніемъ сердца, которое рѣшилось на пожертвованіе тобою — опытъ самый благодѣтельный на всю жизнь; онъ увѣряетъ меня, что лучшія минуты въ жизни тѣ, въ которыя человѣкъ забываетъ себя для добра и забываетъ не на одну минуту. Сама можешь судить, что въ этомъ воспоминаніи о тебѣ заключены будутъ всѣ мои должности. Пропади

1) Письма, стр. 144, 146.

оно — я все потеряю. Я сохраню его какъ свою лучшую драгоцѣнность. Я ввѣряю себя этому воспоминанію и, право, не боюсь будущаго». Но какая борьба происходила въ это время въ душѣ Жуковскаго, несмотря на спокойный и увѣренный тонъ его письма, объ этомъ свидѣтельствуетъ приписка къ этому письму на другой день: «Это было написано вчера поутру. Маша, откликнись. Я отъ тебя жду всего. У меня совершенно ничего не осталось. Ради Бога, открой мнѣ глаза. Мнѣ кажется, что я все потерялъ» [1]). Съ такими мыслями и въ такой тяжелой внутренней борьбѣ уѣзжалъ Жуковскій въ Петербургъ. Въ столицѣ Жуковскій сразу попалъ, благодаря обилію знакомствъ, въ шумный круговоротъ жизни. «Теперь я попалъ въ кипящій свѣтъ — пишетъ онъ оттуда А. П. Кирѣевской въ Долбино 12 мая 1815 г. — и самъ какъ въ кипяткѣ. Тьма новыхъ знакомствъ и тьма старыхъ; много прекраснаго». «Вотъ я въ Петербургѣ съ совершеннымъ, беззаботнымъ невниманіемъ къ будущему — пишетъ онъ въ другомъ письмѣ къ тому же своему другу, отъ 24 мая. — Не хочу объ немъ думать. Для меня въ жизни есть только прошедшее и одна настоящая минута, которою пользоваться для добра, если можно — *зажигать свой фонарь, не заботясь о тѣхъ, которые удастся зажечь послѣ.* Такъ нечувствительно дойдешь до той границы, на которой все неизвѣстное исчезнетъ». Петербургъ приглянулся ему теперь потому, что въ немъ онъ увидалъ возможность работать — и первымъ долгомъ издать свои сочиненія и стихотворенія М. Н. Муравьева, а — «потомъ думаю перетащиться къ вамъ — *на родину, въ семью»* [2]). Такъ, лелѣя дорогой ему идеалъ семейной жизни, Жуковскій стремился изъ одной, отвергавшей его, семьи въ другую, откуда всегда встрѣчалъ неизмѣнное дружеское расположеніе и сочувствіе.

Въ этотъ пріѣздъ въ Петербургъ Жуковскій впервые былъ

---

1) Русская Старина 1883, № 3, стр. 671—672.
2) Русская Старина 1883, № 3, стр. 673, 677—678.

представленъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Но вотъ 26 іюня 1815 г. у Александры Андреевны Воейковой родилась дочь Екатерина, и Жуковскій, желая быть ея крестнымъ отцомъ, снова спѣшитъ въ Дерптъ и оттуда, по пріѣздѣ, торопливо пишетъ Тургеневу: «У насъ теперь все идетъ кругомъ. Радость! Моя крестница родила мнѣ крестницу. Любо смотрѣть на счастіе матери» [1]) и при этомъ сочиняетъ стихотворное привѣтствіе новорожденной [2]). Но положеніе Жуковскаго относительно Марьи Андреевны и ея матери оставалось прежнее. «Я пріѣхалъ съ тѣмъ — пишетъ онъ къ А. П. Кирѣевской въ концѣ іюля 1815 года изъ Дерпта — чтобы окрестивши опять уѣхать въ Петербургъ, изъ Петербурга на родину». Здѣсь, по его собственнымъ словамъ, Екатерина Аѳанасьевна приняла его ласково, но эта ласка касалась лишь формы отношеній, оставивъ сущность ихъ прежней.

«Я не могу быть ни доволенъ, ни счастливъ и совсѣмъ тѣмъ, повидимому, не имѣю права ничего болѣе требовать. Съ самаго моего пріѣзда я веду жизнь занятую, т. е. сижу въ своей горницѣ за работою, а къ нимъ являюсь только на минуту по утру, за обѣдомъ да за чаемъ... Съ Машею мы розно - по старому, по старому нѣтъ между нами ничего общаго! Непринужденной, родственной связи между ею и мною нѣтъ». Такимъ образомъ, Екатерина Аѳанасьевна питала къ Жуковскому прежнее недовѣріе, и это заставляетъ его рѣшиться — поскорѣе уѣхать изъ Дерпта: «уѣхать — по крайней мѣрѣ сберечь для себя что-нибудь драгоцѣнное. Будучи съ вами, я буду гораздо менѣе розно съ Машей, нежели здѣсь, и буду имѣть право на всѣ свои чувства... А такъ жить, какъ жилъ прежде, какъ живешь теперь, нельзя! Убьешь Машу, тетушку (т. е. Екатерину Аѳанасьевну) и себя» [3]). Къ тому же въ Петербургъ его усиленно звалъ Тургеневъ, которому Жуковскій писалъ: «Что ты говоришь мнѣ о жертвѣ и о моемъ

1) Письма, стр. 146.
2) Соч. I, 484—485.
3) Русская Старина 1883, № 4, стр. 96—98.

солнцѣ? Развѣ я поѣхалъ сюда (въ Дерптъ) съ тѣмъ, чтобы грѣться подлѣ моего яснаго солнца? Нѣтъ, братъ, оно яснѣе для меня, когда я отъ него далѣе. Тогда оно одно только для меня видно, и ничто противное не темнитъ его милой ясности. Здѣсь я не долженъ глядѣть на него свободными глазами; здѣсь душа, мысли и чувства сжаты. Уѣхать отсюда не будетъ для меня жертвою... Не говорю уже о надеждахъ; ихъ нѣтъ, да онѣ и не нужны» [1]), а по поводу хлопотъ о немъ его петербургскихъ пріятелей онъ такъ говоритъ въ другомъ письмѣ къ Тургеневу: «Боюсь я этихъ grands projets. Могутъ составить себѣ за меня какой-нибудь планъ моей жизни да и убьютъ все... Тебѣ, кажется, не нужно имѣть отъ меня комментарія на то, что̀ мнѣ надобно. Независимость да и только! Способъ писать не заботясь о завтрашнемъ днѣ. Что̀, гдѣ и когда писать — мнѣ на волю. Я не буду жильцомъ петербургскимъ, но каждый годъ буду въ Петербургѣ непремѣнно: вотъ главная мысль, остальное можешь придумать самъ». А что касается счастія, то — «на свѣтѣ много прекраснаго и безъ счастія» прибавляетъ въ томъ же письмѣ Жуковскій [2]).

Такимъ образомъ, Жуковскій оставилъ Дерптъ 24 августа 1815 года снова съ твердымъ желаніемъ болѣе въ него не возвращаться и «въѣхалъ въ Петербургъ съ самымъ грустнымъ холоднымъ настоящимъ и съ самымъ пустымъ будущимъ въ своемъ чемоданѣ», какъ писалъ онъ объ этомъ А. П. Кирѣевской 16 сентября 1815 г. изъ Петербурга. Хотя по временамъ надежда на возможность счастія съ Марьей Андреевной и заходила непроизвольно въ его сердце, но онъ старался отгонять ее, несмотря на ободреніе со стороны друзей, напр. Нелединскаго, который сопровождалъ Жуковскаго при новомъ представленіи его Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ въ Павловскѣ, о ласковомъ пріемѣ которой Жуковскій съ восторгомъ передаетъ въ томъ же письмѣ въ Долбино; сердечныя дѣла его съ Марьей Андреевной

1) Письма, стр. 148.
2) Письма, стр. 151.

сдѣлались извѣстны и Императрицѣ, но онъ не хотѣлъ прибѣгать къ этому средству воздѣйствія на Екатерину Аѳанасьевну, такъ какъ видѣлъ выходъ лишь въ добровольной и вполнѣ свободной перемѣнѣ его взгляда на дѣло. Такъ какъ въ Петербургѣ относительно Жуковскаго ничего, повидимому, рѣшено не было, то въ концѣ письма онъ высказываетъ настойчивое желаніе переселиться снова на родину: «Что мнѣ нужно? Свобода, работа и маленькій достатокъ; клокъ земли подлѣ Мишенскаго или подлѣ Долбина, но клокъ *собственной*... Если разъ залѣзу въ этотъ уголъ, то уже изъ него будетъ трудно меня вытащить!» [1]).

Но тутъ оканчивается лишь первый непродолжительный періодъ сношеній Жуковскаго съ Дерптомъ, отмѣченный для него рѣшеніемъ перемѣнить свои отношенія къ Марьѣ Андреевнѣ, оставить надежду на личное счастіе и опредѣлить въ этомъ смыслѣ болѣе нормальнымъ образомъ свои отношенія къ дорогой ему семьѣ; старанія эти, въ виду оказываемаго ему недовѣрія со стороны Екатерины Аѳанасьевны, не получили успѣха, и въ результатѣ — тяжелое душевное настроеніе и желаніе удалиться на родину, чтобы отдохнуть и работать. Между тѣмъ въ Дерптѣ совершались событія, которыя подготовляли Жуковскому новыя душевныя испытанія и тревоги и дальнѣйшимъ результатомъ которыхъ было уже гораздо болѣе продолжительное пребываніе поэта въ Дерптѣ, прерывавшееся поѣздками его въ деревню и въ Петербургъ и составляющее второй періодъ его отношеній къ этому городу. Эти событія связаны главнымъ образомъ съ именемъ проф. Дерптскаго университета И. Ф. Мойера, сдѣлавшагося мужемъ столь дорогой Жуковскому «Маши».

II.

8 ноября 1815 г. Марья Андреевна писала Жуковскому: «Я у тебя прошу совѣта какъ у отца, прошу рѣшить меня на самый важный шагъ въ жизни... Я хочу выйти замужъ за Мой-

1) Русская Старина 1883, № 4, стр. 101—104.

ера. Я имѣла случай видѣть его благородство и возвышенность чувствъ и надѣюсь, что найду съ нимъ полное успокоеніе. Не закрываю я глазъ на то, чѣмъ жертвую, дѣлая этотъ шагъ... Прежде всего я увѣрена, что составлю счастіе доброй моей матери, даруя ей двухъ друзей (т. е. Мойера и Жуковскаго). Милый другъ, то, что теперь тебя съ нею разлучаетъ, не будетъ болѣе существовать... Что касается меня самой, то я потеряю свободу только по имени, за то пріобрѣту право пользоваться дружбою и тебѣ ее оказывать. Мой добрый другъ, я дѣйствительно увѣрена, что съ Мойеромъ найду счастіе и покой; я очень его уважаю; душа у него возвышенная, характеръ благородный, и я всего ожидаю отъ времени» [1]). Нѣсколько позднѣе, по тому же поводу, 25 ноября 1815 г. писала Жуковскому Екатерина Аѳанасьевна: «Сердце мое раздирается, когда я о тебѣ думаю, но я знаю твое благоразуміе. Другъ мой, напиши ко мнѣ все, что у тебя на душѣ; я увѣрена, что ты способствовать будешь счастію тѣхъ, кто тебѣ такъ дороги, и для кого ты безцѣненъ» [2]). Можно себѣ представить, какъ должно было поразить это Жуковскаго, всетаки еще питавшаго въ глубинѣ души неопредѣленныя надежды. Онъ отвѣчалъ не сразу. Въ длинномъ отвѣтномъ письмѣ Марьѣ Андреевнѣ (отъ 27 ноября 1815 г., изъ Петербурга) Жуковскій, становясь въ положеніе отца къ ней, не имѣя вообще ничего противъ ея брака и въ частности не имѣя ничего противъ Мойера, котораго онъ зналъ, любилъ и уважалъ за его прекрасныя умственныя и душевныя качества и благородный характеръ, энергически настаивалъ однакоже на необходимости отложить это дѣло на нѣкоторое время, такъ какъ видѣлъ въ этомъ рѣшеніи Марьи Андреевны, еще весьма мало знавшей Мойера, принужденіе со стороны матери, которая спѣшила освободить дочь отъ несбыточныхъ надеждъ на нея Жуковскаго; самая внезапность этого рѣшенія, на которое и намека

1) Русская Старина 1883, № 5, стр. 351—353.
2) Русская Старина 1883, № 5, стр. 354.

не было въ недавнюю бытность Жуковскаго въ Дерптѣ, также казалось ему подозрительной. «Нѣтъ, милой другъ, не ты сама на это рѣшилась! Тебя рѣшили съ одной стороны требованія и упреки, съ другой грубости и жестокое притѣсненіе [1])... Ты бросаешься въ руки Мойеру потому, что другого нечего дѣлать! Тебя тащутъ туда насильно, и еще ты же должна говорить, что ты счастлива! а я вслѣдъ за тобою, какъ твой отецъ, говорить тоже. Нѣтъ, какъ твой отецъ, я не могу на это *теперь* согласиться». Далѣе, говоря объ отношеніи къ этому Екатерины Аѳанасьевны, Жуковскій восклицаетъ: «Боже мой, религія запретила ей согласиться на наше счастье, а та же религія не можетъ ей запретить принудить тебя къ нарушенію всего святого—таинства и клятвы? Послѣ этого могу ли подумать, что религія, а не одно желаніе исполнить волю свою управляетъ ея поступками? Почему же здѣсь молчитъ религія, здѣсь, гдѣ дѣло идетъ о такомъ поступкѣ, съ которымъ ни сердце, ни желаніе твои не могутъ быть согласны?» Въ припискѣ къ этому письму, сдѣланной на другой день, Жуковскій выражается по поводу Екатерины Аѳанасьевны такимъ образомъ: «твое счастіе (т. е. свободное, непринужденное) было бы величайшимъ ея благодѣяніемъ и мнѣ. Мы были бы розно, ибо вмѣстѣ быть нельзя, но это розно не разорвало бы дружбы; у насъ было бы одно—твое счастіе! И какъ легко его сдѣлать—быть просто матерью, другомъ и утѣшителемъ, а не притѣснителемъ, который всѣмъ готовъ жертвовать своему эгоизму. Пожертвовавъ собою, не думай изъ меня сдѣлать ей друга—этимъ не заманишь меня въ ея семью. Скорѣе соглашусь двадцать разъ себѣ разбить голову, нежели искать мѣста въ этой семьѣ!» [2]). Письмо Жуковскаго Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ до насъ не дошло, но, судя по ея краткому и рѣзкому

---

1) Подъ первыми разумѣлъ Жуковскій дѣйствія и внушенія матери, а подъ вторыми — непріязненное и ничѣмъ неоправдываемое отношеніе къ Марьѣ Андреевнѣ мужа ея сестры, Воейкова, отличавшагося вообще недостаткомъ благородства въ характерѣ, неуживчивостью и вспыльчивымъ темпераментомъ.

2) Русская Старина 1883, № 5, стр. 355—361.

отвѣту [1]), оно вполнѣ соотвѣтствовало только что приведеннымъ выдержкамъ изъ письма его къ Марьѣ Андреевнѣ, касающимся ея матери; о содержаніи его мы можемъ заключать также и по другому письму Жуковскаго къ Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ (отъ 11 декабря 1815 г. изъ Петербурга), въ которомъ онъ отчасти пересказываетъ содержаніе перваго, желая оправдать себя отъ несправедливыхъ упрековъ въ «ругательствахъ и клеветѣ», на которыя, конечно, по скольку мы вообще знаемъ Жуковскаго, онъ совершенно не былъ способенъ. Однако рѣзкость тона своего перваго отвѣта Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ онъ не отрицаетъ: «Я не оправдываю своихъ выраженій. Но вспомните, въ какихъ обстоятельствахъ и *послѣ какой жизни* написано письмо мое. Подумайте, что послѣ всѣхъ тяжелыхъ огорченій, послѣ всѣхъ усилій жить съ вами и для васъ, что послѣ всѣхъ надеждъ я теперь остался одинъ и сберегъ для себя одну только надежду на Машино спокойствіе. Подумайте, что письмо мое писано послѣ трехъ мѣсяцевъ разлуки, что я еще недавно просилъ у васъ какъ единственной мнѣ награды, чтобы Маша была свободна на счетъ выбора счастія — что же вышло? Не давъ ни минуты отдыха, вы требуете, чтобы я согласился на ея замужество. Судите сами себя, того ли надобно ожидать отъ дружбы и сожалѣнія?» [2]). Наконецъ, къ разъясненію этого дѣла имѣемъ мы еще одно весьма замѣчательное и длинное письмо Жуковскаго къ Марьѣ Андреевнѣ (отъ 25 декабря 1815 года, изъ Петербурга), [3]) а также письмо самой Марьи Андреевны къ Жуковскому въ отвѣтъ на его просьбу не торопиться и обдумать; это писано ею, вѣроятно, не безъ вліянія со стороны матери, которая тутъ оправдывается въ подозрѣваемомъ Жуковскимъ принудительномъ воздѣйствіи ея на дочь. Жуковскій переслалъ это письмо въ собственноручной копіи къ А. П. Кирѣевской, снабдивъ его (отъ 6 декабря 1815 г. изъ Петербурга) обширными примѣчаніями и возраже-

1) Русская Старина 1883, № 5, стр. 362.
2) Русская Старина 1883, № 6, стр. 556.
3) Тамъ же, № 7, стр. 1—20.

ніями по каждому пункту [1]). Это письмо, открывъ передъ Жуковскимъ еще разъ благородство и великодушіе Марьи Андреевны, не только не разубѣдило Жуковскаго въ его подозрѣніяхъ относительно несвободы ея рѣшенія, но еще укрѣпило въ немъ эти подозрѣнія: «Машино письмо въ моихъ рукахъ — писалъ къ А. П. Кирѣевской 30 декабря 1815 г. изъ Петербурга — оно есть ужасное обвиненіе матери! Какъ могла Маша быть доведена до такого состоянія, чтобы почитать необходимостью разстаться съ своею семьею. За ея счастіе буду я благодаренъ ея мужу, а не ея матери» [2]). Для того, чтобы чѣмъ-нибудь рѣшить это дѣло и прійти къ какому-нибудь обоюдному соглашенію, было необходимо личное присутствіе Жуковскаго въ Дерптѣ, куда призывала его Марья Андреевна, и вотъ онъ туда явился въ январѣ 1816 года—чтобы самому убѣдиться въ свободной привязанности дорогой ему Маши къ Мойеру и дать на этотъ бракъ свое согласіе. Не трудно себѣ представить, съ какимъ душевнымъ настроеніемъ въѣзжалъ на этотъ разъ нашъ бѣдный поэтъ въ знакомый уже ему городъ.

Поѣздка Жуковскаго на этотъ разъ въ Дерптъ была весьма кратковременна. Дѣло уладилось въ нѣсколько дней: Жуковскій убѣдился въ возможности счастья Марьи Андреевны съ Мойеромъ и далъ свое согласіе на этотъ бракъ. О Мойерѣ онъ говоритъ въ письмѣ къ А. П. Кирѣевской (отъ января 1816 г. изъ Дерпта): «(ему) можно вѣрить совершенно. Прекрасный характеръ. Меня безпокоитъ только тотъ кругъ, въ который она войдетъ — надобно, чтобы она была сколько можно менѣе зависима отъ родни его; чтобы вся ея зависимость была отъ него единственно; тогда можно поручиться за тихую, ясную жизнь: она будетъ имѣть съ нимъ все, что должно для ея сердца» [3]). Такъ рѣшена была самимъ Жуковскимъ и обстоятельствами будущая судьба его «Маши», къ которой съ этого момента Жу-

1) Русская Старина 1883, № 6, стр. 541—553.
2) Тамъ же, № 8, стр. 226.
3) Русская Старина 1883, № 8, стр. 227.

ковскій дѣйствительно сталъ лишь въ положеніе отца. Свадьба отложена была на годъ, и Жуковскій въ январѣ же 1816 года вернулся обратно изъ Дерпта въ Петербургъ, откуда по пріѣздѣ немедленно писалъ въ Дерптъ въ дорогую ему семью: «У меня теперь прекрасная цѣль въ жизни. У меня развязаны руки дѣлать *все, что отъ меня зависитъ* для Машинаго счастія. Маша, смотри же, не обмани меня. Чтобы намъ непремѣнно *вмѣстѣ* состряпать твое счастіе. Тогда и все прекрасно!» [1]). Другою заботою Жуковскаго въ этой семьѣ было облегченіе семейной жизни сестры Машиной, Александры Андреевны Воейковой, много страдавшей отъ своего мужа, который, желая быть неограниченнымъ деспотомъ въ этой исключительно женской семьѣ, злился на вліяніе, которое имѣетъ въ ней Жуковскій, и противился браку Марьи Андреевны съ Мойеромъ, въ которомъ видѣлъ новаго соперника въ томъ же смыслѣ [2]).

Эта поѣздка въ Дерптъ была благодѣтельна для нравственнаго состоянія Жуковскаго; она вывела его окончательно и безповоротно изъ неопредѣленностей, колебаній и мучительныхъ опасеній за будущее Марьи Андреевны; ему на этотъ разъ оказано было полное довѣріе, и это, повидимому, вполнѣ примирило его съ Екатериной Аѳанасьевной. О впечатлѣніяхъ этой поѣздки онъ вскорѣ по возвращеніи въ Петербургъ писалъ А. П. Кирѣевской 19 февраля 1816 г.: «Слава Богу, что теперь изъ этого хаоса выходитъ свѣтъ!... Изъ разговоровъ съ Машею я увидѣлъ, что она не обманываетъ меня, что она дѣйствуетъ теперь не по принужденію, а изъ увѣренности, что все будетъ лучше, что она надѣется этого лучшаго! И не одни ея слова, но и собственныя замѣчанія убѣдили меня въ этомъ. Съ Мойеромъ говорилъ я откровенно, и онъ не только понялъ, но угадалъ и предупредилъ мои мысли. Мы теперь съ нимъ вѣрные това-

---

1) Русская Старина 1883 г. № 8, стр. 228.

2) См. особенно о Воейковѣ письмо Жуковскаго къ Марьѣ Андреевнѣ отъ 25 дек. 1825 года: Русская Старина 1883, № 7, стр. 1—6, 10—18; также Русская Старина 1883, № 8, стр. 231.

рицы — цѣль наша прекрасная: общее счастіе! и это счастіе называется Машею. Маша будетъ дѣйствовать свободно, все отдано на ея волю». О своемъ собственномъ душевномъ состояніи Жуковскій въ этомъ письмѣ говоритъ такъ: «Что касается меня самого, то нельзя же *вдругъ* всего передѣлать. Но вы за меня не бойтесь. Я вообще счастливъ; послѣднія три недѣли, проведенныя мною въ Дерптѣ, была самая богатая прекраснымъ чувствомъ эпоха въ жизни моей». Но искренній Жуковскій не скрываетъ, что этотъ душевный переломъ доставался ему не безъ труда: «Кажись бы хорошо, анъ нѣтъ! во мнѣ есть другой человѣкъ, которому бываетъ больно, когда онъ замѣтитъ привязанность Маши къ Мойеру... но онъ связанъ крѣпкими кандалами и осужденъ умереть съ голоду — и онъ умретъ непремѣнно» [1]). Въ другомъ, вскорѣ затѣмъ писанномъ письмѣ къ тѣмъ же роднымъ въ Долбино (въ февралѣ или мартѣ 1816 года) Жуковскій между прочимъ пишетъ: «Я получилъ письмо отъ Мойера. Не правда ли, что мое положеніе одно изъ самыхъ необыкновенныхъ! Онъ говоритъ со мною о Машѣ: Маша съ каждымъ днемъ даетъ мнѣ болѣе доказательствъ своего добраго расположенія и довѣрія. Эта одна черта показываетъ хорошее сердце — она и ему и мнѣ дѣлаетъ честь. Что бы ни было, а я этому радуюсь и буду радоваться, несмотря на тѣ минуты, въ которыя нѣкоторые уродцы, о которыхъ я писалъ на прошедшей почтѣ [2]), будутъ выходить на сцену. Друзья, много прекраснаго въ душѣ человѣческой, и жизнь наша дана намъ только для того, чтобы выкопать изъ нея это прекрасное и дать ему силу, бытіе, совершенство» [3]). Теперь уже Дерптъ неудержимо тянетъ Жуковскаго къ себѣ, и вотъ въ апрѣлѣ 1816 года онъ

1) Русская Старина 1883, № 8, стр. 230, 232—233.

2) Онъ тамъ писалъ: «Друзья, какое иногда божественное чувство подымаетъ душу и какъ весело его раздѣлить! Что передъ этимъ прекраснымъ чувствомъ всѣ эти маленькіе безобразные уродцы, которые называются желаніями для себя и которые иногда выскакиваютъ какъ пузыри и лопаются» (тамъ же, стр. 231).

3) Тамъ же, стр. 236.

переѣзжаетъ сюда, чтобы провести здѣсь цѣлый годъ до свадьбы Марьи Андреевны съ Мойеромъ и даже нѣсколько позднѣе, съ небольшими отлучками.

Сначала дѣло шло не особенно удачно, и возобновленная совмѣстная жизнь въ дорогой ему семьѣ не вполнѣ его удовлетворяла: «исторій нѣтъ, по крайней мѣрѣ продолжительныхъ; но и согласія не бывало» [1]). Причиною, вѣроятно, былъ съ одной стороны нѣсколько неуравновѣшенный, съ долей эгоизма и самовластія, характеръ Екатерины Аѳанасьевны, которая «видѣла себя одну несчастною и всѣхъ причиною несчастія» и которую могъ уязвлять даже высоковеликодушный поступокъ Жуковскаго, такъ какъ онъ давалъ ему неоспоримый нравственный авторитетъ въ глазахъ Марьи Андреевны, чего самолюбіе Екатерины Аѳанасьевны не могло переносить; съ другой стороны, и Марья Андреевна не могла сразу переломить своего сердца, и внутреннее сближеніе ея съ Мойеромъ происходило, на взглядъ Жуковскаго, слишкомъ медленно и мало давало Жуковскому увѣренности въ будущемъ счастіи Маши. Но къ лѣту 1816 года дѣло, повидимому, уладилось, такъ что Жуковскій могъ написать А. П. Кирѣевской: «все идетъ очень хорошо. Я теперь увѣренъ, что Маша будетъ имѣть *возможное* счастіе»... [2]) Что касается самого Жуковскаго, то онъ чувствовалъ себя спокойно, и взятый имъ для себя девизъ «все въ жизни къ прекрасному средство» былъ для него дѣйствительно руководящимъ правиломъ въ его жизни [3]). Лѣтомъ 1816 года Жуковскій совершилъ изъ Дерпта небольшую поѣздку по такъ называемой Лифляндской Швейцаріи, а затѣмъ съ Протасовыми и, вѣроятно, Мойеромъ [4]) ѣздилъ на купанье въ Ревель [5]). Между тѣмъ какъ

1) Письмо къ А. П. Кирѣевской отъ 12 апр. 1816 года, изъ Дерпта: Русская Старина 1883, № 9, стр. 534.

2) Русская Старина 1883, № 9, стр. 535.

3) Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 156, 159. Ср. К. Зейдлицъ, стр. 73, 240; П. Загаринъ, стр. 181.

4) Воейковы въ это время были на югѣ Россіи.

5) Русская Старина 1883, № 9, стр. 535—536; Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 157—158.

шли приготовленія къ свадьбѣ Марьи Андреевны, Жуковскій на Рождество 1816 года ѣздилъ въ Петербургъ. Не задолго передъ этимъ министръ народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицынъ поднесъ императору Александру I экземпляръ только что вышедшаго собранія стихотвореній Жуковскаго (въ двухъ томахъ) съ указаніемъ на заслуги Жуковскаго въ области русской словесности и на его личныя обстоятельства. Государь пожаловалъ поэту пожизненный пенсіонъ въ размѣрѣ 4.000 рублей въ годъ, за что Жуковскій имѣлъ возможность, въ этотъ свой пріѣздъ въ Петербургъ, благодарить Императора лично. 5-го января 1817 года Жуковскій уже уѣхалъ изъ Петербурга обратно въ Дерптъ, и, наконецъ, 14 января 1817 года въ Дерптской Успенской церкви совершено было вѣнчаніе Марьи Андреевны съ Мойеромъ. «Свадьба кончена, и душа совсѣмъ утихла. Думаю только объ одной работѣ», писалъ Жуковскій послѣ этого событія А. И. Тургеневу [1]). Сначала Жуковскій думалъ послѣ свадьбы Марьи Андреевны навсегда поселиться въ Дерптѣ, но уже къ веснѣ сталъ чувствовать тяжелое душевное состояніе и нравственную апатію, о чемъ такъ писалъ А. И. Тургеневу изъ Дерпта 25 апрѣля 1817 года: «Мое теперешнее положеніе есть усталость человѣка, который долго боролся съ сильнымъ противникомъ, но, боровшись, имѣлъ нѣкоторую дѣятельность; борьба кончилась, но вмѣстѣ съ нею и дѣятельность... Но не бойся, я не упаду. По крайней мѣрѣ, я надѣюсь воскреснуть... Я смотрю на счастіе, которое мнѣ не принадлежитъ, спокойно; въ тѣ минуты, въ которыя способенъ я живо чувствовать, оно только радуетъ меня, и никакое другое чувство не смѣшано съ этою радостію. Но вообще нахожу въ себѣ равнодушіе, для меня тяжелое, и это равнодушіе — *во мнѣ самомъ*; внѣшнихъ причинъ искать не надобно. Оно похоже на сонъ, который производитъ иногда прекрасная музыка. Музыка моя молчитъ, и я сплю! Изъ этого сна должно непремѣнно выйти!» [2]). И дѣйстви-

1) Письма, стр. 171.
2) Письма, стр. 177. Ср. тамъ же, стр. 176.

тельно, выходъ вскорѣ нашелся: въ 1817 году Жуковскій, какъ извѣстно, приглашенъ былъ въ качествѣ учителя русскаго языка къ супругѣ наслѣдника русскаго престола великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (бывшей принцессѣ Шарлоттѣ Прусской), что было первымъ шагомъ его ближайшаго вступленія въ кругъ царскаго семейства, въ которомъ онъ занялъ впослѣдствіи такое видное и вліятельное положеніе.

Такъ кончилась собственно дерптская жизнь Жуковскаго [1]), но сношенія его съ этимъ городомъ еще не прекратились.

III.

Въ предшествующемъ изложеніи я намѣренно остановился почти исключительно на исторіи душевной жизни Жуковскаго и тѣсно связанныхъ съ нею обстоятельствахъ за время пребыванія его въ Дерптѣ—чтобы болѣе цѣльнымъ образомъ и рельефнѣе представить эту сторону его дерптской жизни. Теперь должно обратиться къ другой сторонѣ—къ сношеніямъ Жуковскаго въ Дерптѣ внѣ семьи Протасовыхъ и Воейковыхъ и къ его литературнымъ занятіямъ въ это время.

Очень естественно, что живя сначала въ домѣ Воейкова, а потомъ Мойера, принадлежавшихъ къ составу университетскихъ профессоровъ, Жуковскій въ Дерптѣ скорѣе и ближе всего сблизился съ университетомъ. Еще на первомъ пути своемъ въ Дерптъ мечталъ онъ о дерптской университетской библіотекѣ [2]), и въ самомъ дѣлѣ знакомство съ библіотекаремъ К. Ф. Петерсеномъ относится, по видимому, къ числу первыхъ его знакомствъ въ средѣ университетской; лѣтомъ 1815 года онъ усердно занимается «механической работой», подготовкой «сухихъ матеріаловъ» — вѣроятно, для своей поэмы «Владиміръ» [3]). Со многими изъ профессоровъ дерптскаго университета онъ завязалъ науч-

1) Жуковскій выѣхалъ изъ Дерпта весной 1817 года.
2) Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 143.
3) Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 147.

ныя или иныя близкія сношенія. Такъ, весной 1816 года онъ слушалъ лекціи по исторіи среднихъ вѣковъ Г. Эверса (младшаго [1]); бесѣдовалъ съ К. Моргенштерномъ объ эстетикѣ и археологіи, съ Ф. Г. Парротомъ о физикѣ [2]), при чемъ о сочиненіи послѣдняго «Entretiens sur la physique» напечаталъ даже (Вѣстникъ Европы 1818 г., № 8) замѣтку, въ которой между прочимъ упоминалъ о томъ, что еще до напечатанія этого труда авторъ читалъ ему нѣкоторые отрывки въ рукописи [3]); въ началѣ 1817 года онъ ходатайствовалъ черезъ Тургенева объ оказаніи Парроту матеріальнаго пособія [4]). Въ мастерской профессора К. А. Зенфа Жуковскій учился гравированію. Профессоръ Ф. Э. Рамбахъ хотѣлъ перевести одно стихотвореніе Жуковскаго на нѣмецкій языкъ [5]). За профессора астрономіи Фр. В. Струве Жуковскій просилъ Тургенева о скорѣйшей выдачѣ ему и его невѣстѣ заграничныхъ паспортовъ [6]). Но особенно замѣчательна была его встрѣча съ знаменитымъ богословомъ проф. Л. Эверсомъ (старшимъ), который на студенческомъ праздникѣ 14 августа 1815 года захотѣлъ пить съ Жуковскимъ «братство», о чемъ Жуковскій такъ писалъ А. П. Кирѣевской: «Эверсъ, осмидесятилѣтній старикъ, есть человѣкъ единственный въ своемъ родѣ — онъ живетъ для добра, и со всѣмъ этимъ простота младенца. На праздникѣ студентовъ, на который былъ приглашенъ и я, онъ вздумалъ со мной пить братство. Это меня тронуло до глубины души. Я отъ всей души поцѣловалъ *братскую* руку» [7]). Этотъ эпизодъ разсказалъ Жуковскій и въ стихотвореніи «Старцу Эверсу» [8]), которое, по его собственному признанію, писалъ «не для печатанія, но для облегченія сердца и для друзей» [9]). «Не

1) П. Загаринъ, стр. 213—214.
2) Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 158; К. Зейдлицъ, стр. 80.
3) Соч. II, стр. 419.
4) Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 170—171.
5) Тамъ же, стр. 145.
6) Тамъ же, стр. 146.
7) Русская Старина 1883, № 4, стр. 105.
8) Соч. I, стр. 485—487.
9) Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 152.

мудрено — замѣчаетъ по этому поводу д-ръ К. Зейдлицъ, — что мы, свидѣтели этой трогательной встрѣчи знаменитаго русскаго поэта съ почтеннымъ дерптскимъ профессоромъ, съ восторгомъ пожали руки нашему дерптскому гостю и считали его съ тѣхъ поръ и нашимъ братомъ» [1]). Интересы университета дороги были Жуковскому; такъ, ходатайствуя за докторовъ Дерптскаго университета Петерсена и Тидебеля (которыхъ въ Петербургѣ также склонны были подозрѣвать въ незаконномъ пріобрѣтеніи дипломовъ, какъ раньше этого уличены были въ томъ Вальтеръ и Веберъ) Жуковскій пишетъ Тургеневу: «Осуждая виноватыхъ (слѣдуетъ) щадить университетъ. Онъ и безъ того упадаетъ и упадаетъ, потому что правительство отняло отъ него свою руку. Неужели всему должно у насъ, не созрѣвъ, разрушаться?» [2]). Точно также хлопочетъ онъ черезъ Тургенева о подысканіи мѣста и двумъ другимъ дерптскимъ докторамъ А. Лебрену и Ф. Заремба [3]). Въ свою очередь и университетъ, согласно ходатайству философскаго факультета, присудилъ Жуковскому въ апрѣлѣ 1816 года почетную степень доктора философіи въ воздаяніе за культурныя услуги Россіи, оказываемыя Жуковскимъ его литературной дѣятельностью; внѣшнимъ поводомъ къ этому рѣшенію университета послужилъ выходъ въ 1816 году въ свѣтъ двухтомнаго собранія стихотвореній Жуковскаго, какъ о томъ уже упомянуто было выше [4]). Не мало связей имѣлъ Жуковскій въ Дерптѣ и внѣ университета. По словамъ д-ра К. Зейдлица, онъ «съ благодарностію вспоминалъ всегда о пріятныхъ часахъ, проведенныхъ имъ въ домахъ Мантейфеля, Левенштерна, Брюнинга, Нолькена, Липгардта, Штакельберга, Лиліенфельда, Крюднера» [5]).

---

1) Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 83.

2) Письма, стр. 164—165. Ср. стр. 170—171, также F. Waldmann, Pirogow's Erinnerungen an Dorpat. Baltische Monatsschrift, B. XXXIX, s. 610.

3) Тамъ же, стр. 153, 169.

4) P. Wiskowatow. Rede. zur Feier des hundertjährigen Geburtsfestes von W. A. Joukofsky am 29 Januar 1883. Dorpat 1883, s. 22—23. Ср. Письма къ Тургеневу, стр. 160.

5) Стр. 80.

И со своей стороны, онъ старался оказать возможныя услуги своимъ дерпткимъ знакомымъ въ Петербургѣ, особенно черезъ Тургенева. Такъ, онъ настойчиво ходатайствовалъ за М. Асмуса, основателя школы по системѣ Песталоцци въ Дерптѣ и стихотворца, о предоставленіи ему чина губернскаго секретаря [1]); за чудака-поэта К. У. Беллендорфа онъ проситъ объ оказаніи ему содѣйствія при подпискѣ на его сочиненія, которыя тотъ намѣревался издать [2]); музыканта и стихотворца Вейрауха, положившаго на музыку нѣкоторыя пѣсни Жуковскаго, онъ проситъ у Тургенева позволенія привезти къ нему въ Петербургъ для оказанія ему покровительства [3]); того же Тургенева проситъ Жуковскій объ оказаніи покровительства члену Курляндской консисторіи Г. Ф. Гуну [4]), пастору К. Э. Бергу, книга котораго (Briefe über eine magnetische Kur. Dorpat 1816) подверглась подозрѣнію въ безвѣріи [5]), гр. Мантейфелю—о помѣщеніи двухъ его сыновей въ пансіонъ Царскосельскаго Лицея [6]). Особенно Жуковскій сблизился въ Дерптѣ съ Т. Е. фонъ-Бокомъ, личностью замѣчательной столько же по своей трагической судьбѣ, сколько по благородству убѣжденій. Страстный приверженецъ литературнаго романтическаго движенія въ Германіи, находившаго себѣ отголоски въ Дерптѣ, знакомецъ самого Гете, фонъ-Бокъ увидалъ въ Жуковскомъ близкую себѣ натуру. Нашъ поэтъ, посвященный въ интимнѣйшія обстоятельства жизни фонъ-Бока (его несчастную любовь) и связанный съ нимъ чувствомъ живой симпатіи, написалъ къ нему три стихотворныхъ письма, относящихся къ періоду дерптской жизни Жуковскаго [7]); сношеніе съ нимъ продолжалъ Жуковскій и послѣ отъѣзда изъ Дерпта [8]).

1) Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 168, 169, 173, 174, 175, 179.
2) Тамъ же, стр. 176.
3) Письма, стр. 162.
4) Тамъ же, стр. 152.
5) Тамъ же, стр. 155.
6) Тамъ же, стр. 172, 173.
7) Соч. I, стр. 482—484.
8) Н. Лыжинъ. Знакомство Жуковскаго со взглядами романтической школы. Лѣтописи русской литературы и древности. Т. I. М. 1859 г., стр. 75—78.

Знакомство со многими русскими въ мирное и въ военное время (фонъ-Бокъ принималъ участіе въ походахъ противъ Наполеона) заставило его полюбить все русское, и въ этомъ отношеніи, для характеристики его политическихъ взглядовъ, весьма замѣчателенъ его отзывъ о Барклаѣ де-Толли, военнымъ дарованіямъ котораго онъ отдавалъ полную справедливость: «порицаю только то, что въ главной квартирѣ его не услышишь никакого другого языка кромѣ нѣмецкаго. Если допустить пристрастіе, то ужъ конечно къ большинству націи, но эта germanomanie и livonomanie рѣшительно неумѣстна, особливо въ Лифляндцѣ. Румянцевъ и Кутузовъ также были постоянно окружены Лифляндцами и Нѣмцами, но при нихъ это обусловливалось ихъ безпристрастіемъ, при Барклаѣ—напротивъ. Еще разъ, какъ скоро допустишь, чтобы что-либо другое было побудительною причиною нашихъ дѣйствій, чѣмъ здравый смыслъ и чувство чести, то лучше отдавать преимущество большинству. Въ этомъ я убѣжденъ искренно, и потому не хочу оставаться въ главной квартирѣ; я даже не хочу имѣть видъ человѣка, ставящаго себя, какъ Лифляндецъ, въ оппозицію къ остальной части націи. Какъ дворянинъ, я горжусь, что мои предки были древніе рыцари; какъ гражданинъ, я никогда не буду ничѣмъ другимъ, какъ самымъ закоренѣлымъ русскимъ» [1]). Наконецъ, свидѣтельствомъ о дерптскихъ сношеніяхъ Жуковскаго являются два стихотворенія 1817 года, оба переведенныя изъ Гёте, «Къ мѣсяцу» и «Утѣшеніе въ слезахъ», которыя, по словамъ д-ра К. Зейдлица [2]), написаны при прощаніи съ дерптскими друзьями [3]). Вообще же за разсмотрѣнное нами время пребыванія Жуковскаго въ Дерптѣ его поэтическая и вообще литературная дѣятельность была невелика, большею частію переводы съ нѣмецкаго — изъ Шиллера и Гете, а чаще изъ Уланда и Гебеля. Съ послѣднимъ впервые познакомился Жуковскій именно въ Дерптѣ и былъ отъ него сначала въ большомъ

1) Тамъ же, стр. 69.

2) Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго, стр. 111.

3) Соч. II, стр. 38—40.

восторгѣ: «я ничего лучше не знаю — писалъ онъ о Гебелѣ А. И. Тургеневу по поводу перевода «Овсянаго киселя». — Поэзія во всемъ совершенствѣ простоты и непорочности. Переведу еще многое. Совершенно новый и намъ еще неизвѣстный родъ»[1]). Нельзя, конечно, отрицать, что пребываніе въ Дерптѣ было для Жуковскаго весьма полезно въ смыслѣ ознакомленія его съ нѣмецкой поэтической литературой, по вмѣстѣ съ тѣмъ едва ли подлежитъ сомнѣнію и то, что результаты этого ознакомленія въ общей суммѣ поэтическихъ трудовъ Жуковскаго не играютъ особенно видной роли. Въ русскихъ читателяхъ переводныя произведенія Жуковскаго этого періода не нашли сочувствія [2]), и самъ Жуковскій впослѣдстіи не вполнѣ былъ доволенъ ими [3]): такъ они отошли отъ живыхъ интересовъ русской дѣйствительности. И въ самомъ дѣлѣ въ эту пору Жуковскій по временамъ, оставаясь нерѣдко среди исключительно нѣмецкой житейской и литературной обстановки, чувствовалъ свое отчужденіе отъ русскихъ интересовъ и русской жизни: «я здѣсь совсѣмъ огерманился. Не знаю ничего, что дѣлается на сценѣ русской словесности», писалъ онъ А. И. Тургеневу въ сентябрѣ 1816 года изъ Дерпта [4]). И если выборъ сюжетовъ или литературныхъ источниковъ у Жуковскаго въ его дерптскую жизнь опредѣлялся особымъ складомъ и обстановкой окружающей его жизни, то сравнительная скудость его литературной производительности за это время находитъ себѣ полное оправданіе въ той тяжелой душевной борьбѣ и тѣхъ внутреннихъ страданіяхъ, лишившихъ его бодрости и энергіи, которымъ онъ подвергался въ силу уже извѣстныхъ намъ семейныхъ и личныхъ обстоятельствъ. Что же касается задачъ поэтическаго творчества, то въ дерптскую пору своей жизни онъ имѣлъ о нихъ самое возвышенное представленіе. «Поэзія часъ отъ часу дѣлается для меня чѣмъ-то возвы-

1) Письма, стр. 164.
2) П. Загаринъ, стр. 210.
3) Тамъ же, стр. 221.
4) Письма, стр. 160.

шеннымъ—писалъ онъ А. И. Тургеневу въ октябрѣ 1816 года изъ Дерпта. Не надобно думать, что она только забава воображенія... но она должна имѣть вліяніе на душу всего народа, и она будетъ имѣть это благотворное вліяніе, если поэтъ обратитъ свой даръ къ этой цѣли. Поэзія принадлежитъ къ народному воспитанію» [1]).

IV.

Наконецъ, намъ остается прослѣдить отношенія Жуковскаго къ Дерпту послѣ выхода замужъ Марьи Андреевны. По пріѣздѣ въ Петербургъ послѣ ея свадьбы Жуковскій, повидимому, часто писалъ въ Дерптъ, и одна изъ его записокъ къ Марьѣ Андреевнѣ (весною 1817 г. изъ Петербурга), сопровождавшаяся присылкою денегъ, до насъ сохранилась. Нерѣдко и самъ Жуковскій пріѣзжалъ въ Дерптъ, къ роднымъ, пока они тамъ жили, а послѣ смерти Марьи Андреевны ѣздилъ на ея могилу; точно также, проѣзжая черезъ Дерптъ за границу [1]) или возвращаясь изъ-за границы обратно, Жуковскій останавливался въ Дерптѣ, чтобы повидаться съ родными или навѣстить могилу «Маши» на Дерптскомъ русскомъ кладбищѣ.

Такъ, Анна Петровна Зонтагъ (сестра А. П. Кирѣевской) въ письмѣ къ своей пріятельницѣ М. А. Павловой разсказываетъ случай, какъ однажды въ масляницу 1819 года Жуковскій, въ бытность свою въ Дерптѣ, увидавъ на улицѣ нищаго, который по-русски просилъ милостыню, имѣя отмороженную ногу, отдалъ ему всѣ деньги, которыя съ нимъ были (300 р.), а затѣмъ проф. Мойеръ, проѣзжая по той же улицѣ и увидавъ нищаго, отослалъ его въ свою клинику и вылѣчилъ безплатно. Достовѣрность этого великодушнаго поступка Жуковскаго подтверждалъ Аннѣ Петровнѣ Зонтагъ и самъ проф. Мойеръ [1]).

1) Письма, стр. 163. Ср. Русская Старина 1883, № 9, стр. 541.

2) Тогда, до желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, Дерптъ стоялъ на главномъ трактѣ за границу.

3) Русскій Архивъ 1878, № 2, стр. 207—208.

Въ началѣ 1820 г. Жуковскій былъ въ Дерптѣ, о чемъ писалъ такъ А. П. Елагиной (бывшей Кирѣевской, вторично вышедшей замужъ) изъ Петербурга, по пріѣздѣ: «Я отъ всѣхъ оторванный кусокъ и живу такъ, что душа холодѣетъ... Былъ въ Дерптѣ какъ во снѣ. Тамъ тихо, но у всѣхъ у насъ одна болѣзнь — разлука!» [1]).

Въ октябрѣ того же года Жуковскій проѣзжалъ черезъ Дерптъ за границу, куда онъ долженъ былъ отправиться, чтобы находиться при особѣ своей ученицы великой княгини Александры Ѳеодоровны, посланной за границу для поправленія здоровья послѣ тяжелой ея болѣзни лѣтомъ 1820 года. Остановившись въ Дерптѣ, Жуковскій въ письмѣ къ А. И. Тургеневу (отъ 2 октября) просилъ о профессорѣ Г. Л. Беллендорфѣ, который вынужденъ былъ подать въ отставку по обвиненію его въ оскорбленіи Богоматери на лекціи [2]); въ тотъ же день Жуковскій писалъ А. П. Елагиной о планѣ своего предстоящаго путешествія заграницу и прибавлялъ: «Думаю, что это путешествіе будетъ и физически и нравственно полезнымъ: можетъ быть, вялость душевная поубавится, я опять освѣжусь и примусь за свою поэзію» [3]). Очевидно, нравственное выздоровленіе Жуковскаго послѣ тяжелыхъ нравственныхъ страданій, закончившихся выходомъ замужъ Марьи Андреевны, шло весьма медленно. Однако надежды Жуковскаго на освѣжающее дѣйствіе путешествія не были напрасны: уже съ дороги посылаетъ онъ въ Дерптъ нѣкоторые плоды снова посѣтившаго его поэтическаго вдохновенія [4]). Возвращаясь изъ этого путешествія въ началѣ 1822 года, Жуковскій опять останавливался въ Дерптѣ и читалъ въ кругу родныхъ отрывки только что оконченнаго имъ въ Берлинѣ перевода «Орлеанской дѣвы» [5]), а по возвращеніи въ

1) Русская Старина 1883, № 10, стр. 80.
2) Письма, стр. 191—192.
3) К. Зейдлицъ, стр. 117—118.
4) Тамъ же, стр. 119.
5) К. Зейдлицъ, стр. 123.

Петербургъ писалъ А. П. Елагиной (отъ 27 іюля 1822 г. изъ Царскаго Села): «Здѣсь подлѣ меня одна Саша [1]); въ ея гармонической душѣ все отзывается для меня попрежнему, но поэзія уже перестала быть отголоскомъ жизни. Она теперь бываетъ по временамъ однимъ наслажденіемъ» [2]).

Осенью 1822 года Жуковскій сопровождалъ въ Дерптъ Екатерину Аѳанасьевну Протасову, ѣздившую въ Петербургъ къ дочери А. А. Воейковой по случаю рожденія внука Андрея. Возвратившись изъ этой поѣздки въ Петербургъ, Жуковскій такъ писалъ о впечатлѣніяхъ ея А. П. Елагиной: «Я былъ въ Дерптѣ и радъ тому, что былъ тамъ. Видѣлъ Машу, говорилъ съ нею о ней и доволенъ: *это поэзія...* Судьба погремѣла мимо насъ, поколотивъ насъ мимоходомъ, но неразбивъ нашего лучшаго: любви къ добру, уваженія къ жизни и вѣры въ прекрасное. Все остальное—шелуха!» Въ этомъ же письмѣ Жуковскій непремѣнно совѣтуетъ А. П. Елагиной отослать своихъ сыновей учиться въ Дерптъ [3]). Между тѣмъ А. А. Воейкова, удрученная горестями несчастной семейной жизни [4]), собиралась съ дѣтьми переселиться въ Дерптъ къ сестрѣ, и по поводу этой предстоящей разлуки Жуковскій написалъ и послалъ въ Дерптъ глубоко-грустное стихотвореніе «Отымаетъ наши радости безъ замѣны хладный свѣтъ...» [5]), вызвавшее въ свою очередь глубокое сожалѣніе о Жуковскомъ въ сердцѣ Марьи Андреевны [6]). Въ февралѣ 1823 года Жуковскій дѣйствительно проводилъ А. А. Воейкову съ дѣтьми въ Дерптъ и оставался здѣсь двѣ недѣли. Поэтъ не предчувствовалъ, что это было послѣднее его свиданіе съ Марьей Андреевной: едва онъ успѣлъ 10 марта

1) А. А. Воейкова, переѣхавшая вмѣстѣ съ мужемъ въ 1820 г. въ Петербургъ, гдѣ А. Ѳ. Воейковъ, по оставленіи профессуры въ Дерптскомъ университетѣ, поступилъ на службу.

2) Русская Старина 1883, № 10, стр. 81.

3) К. Зейдлицъ, стр. 126—127.

4) Какова была эта жизнь см. у П. Загарина, стр. 388—390.

5) Соч. II, стр. 399—401.

6) К. Зейдлицъ, стр. 128.

выѣхать въ Петербургъ, какъ 19 марта получилъ извѣстіе о смерти Марьи Андреевны въ родахъ. По словамъ д-ра Зейдлица, это извѣстіе глубоко потрясло душу Жуковскаго и погрузило его на многіе годы въ тихую меланхолическую грусть. Вотъ какъ онъ пишетъ объ этомъ событіи А. П. Елагиной 28 марта 1823 года изъ Дерпта, куда онъ немедленно отправился, по полученіи страшной вѣсти: «10 числа я съ ними простился, безъ всякаго предчувствія, съ какою-то непонятною безпечностью. Я привезъ къ нимъ Сашу и пробылъ съ ними двѣ недѣли — недѣлю лишнюю противъ даннаго мнѣ срока; должно было уѣхать; но Боже мой! я могъ бы остаться еще 10 дней — эти дни были послѣдніе здѣшніе дни Маши! Боюсь останавливаться на этой мысли; бываютъ предчувствія, чтобы мутить душу; для чего же здѣсь не было никакого милосерднаго предчувствія? Было поздно, когда я выѣхалъ изъ Дерпта, долго ждалъ лошадей; всѣхъ клонилъ сонъ; я сказалъ имъ, чтобы разошлись, что я засну самъ. Маша пошла наверхъ съ мужемъ. Сашу я проводилъ до ея дома; услышалъ еще голосъ ея, когда готовъ былъ опять войти въ двери, услышалъ въ темнотѣ: *прости*! Возвратясь, проводилъ Машу до ея горницы; она взяла съ меня слово разбудить ихъ въ минуту отъѣзда; и я заснулъ. Черезъ полчаса все готово къ отъѣзду; встаю, подхожу къ лѣстницѣ, думаю — идти-ли, хотѣлъ даже не идти, но пошелъ — она спала; но мой приходъ ее разбудилъ — хотѣла встать, но я ее удержалъ. Мы простились; она просила, чтобы я ее перекрестилъ, и спрятала лицо въ подушку — и это было послѣднее на этомъ свѣтѣ. И черезъ десять дней я опять на той же дорогѣ, на которой мы вмѣстѣ съ Сашею ѣхали на свиданіе радостное, и съ чѣмъ же я ѣхалъ! Ея могила — нашъ алтарь вѣры, недалеко отъ дороги, и ее первую посѣтилъ я». Далѣе въ письмѣ идетъ разсказъ о причинѣ смерти Марьи Андреевны и о послѣднихъ минутахъ ея жизни. «(Послѣ смерти) она казалась точно такою, какова была 17-ти лѣтъ. Въ голубомъ платьѣ, подлѣ нея младенецъ (родившійся мертвымъ), миловидный, точно заснув-

шій. Горе было для всѣхъ; здѣсь всѣ ее потеряли. Знакомый и незнакомый прислали цвѣты, чтобы украсить столъ, на которомъ лежали наши два ангела, и жившій и нежившій. Она казалась спящею въ цвѣтахъ. Всѣ проводили ее, не было никого, кто бы о ней не вздохнулъ... Другъ милый, примемъ вмѣстѣ Машину смерть какъ увѣреніе Божіе, что жизнь святыня. Увѣряю васъ, что это теперь для меня понятно — мысль о товариществѣ съ существомъ небеснымъ не есть теперь для меня одно дѣйствіе воображенія, нѣтъ! Самое прошедшее сдѣлалось болѣе моимъ; промежутокъ послѣднихъ лѣтъ какъ будто бы не существуетъ, а прежнее яснѣе, ближе» [1]).

М. А. Мойеръ, скончавшаяся 19 марта 1823 года, погребена была на дерптскомъ русскомъ кладбищѣ, у южной стѣны построенной впослѣдствіи кладбищенской церкви.

Потерявъ Машу, Жуковскій тѣмъ болѣе привязывается къ Аннѣ Петровнѣ Елагиной, съ которой связывала его, между прочимъ, и общая любовь къ покойницѣ: «Не утѣшенія отъ васъ требую и надѣюсь — писалъ онъ ей 23 мая 1823, по пріѣздѣ съ похоронъ, изъ Петербурга — въ этомъ словѣ что-то мелкое и даже непонятное, но помощи, чтобы быть достойнымъ прошедшаго и святого воспоминанія. Машина потеря есть для меня и для васъ религія, и вотъ почему называю жизнь святынею. Одною только жизнію можно къ ней приближаться — говорю о себѣ, а не о васъ... Не покидайте меня. Все высокое сдѣлалось для меня теперь вѣрою; все стало понятнѣе — но это высокое надобно пріобрѣсти; иначе Маша навсегда потеряна» [2]). Смерть эта вызвала у Жуковскаго слѣдующее стихотвореніе: «19 марта 1823 года»:

Ты предо мною
Стояла тихо,
Твой взоръ унылый
Былъ полонъ чувствъ.

---

1) Русская Старина 1883, № 10, стр. 84—85.
2) Русская Старина 1883, № 10, стр. 88.

Онъ мнѣ напомнилъ
О миломъ прошломъ;
Онъ былъ послѣдній
На здѣшнемъ свѣтѣ.

Ты удалилась
Какъ тихій ангелъ;
Твоя могила
Какъ рай, спокойна.
Тамъ всѣ земныя
Воспоминанья,
Тамъ всѣ святыя
О небѣ мысли.

Звѣзды небесъ!
Тихая ночь! [1])

Со смертію Марьи Андреевны Дерптъ сдѣлался навсегда близкимъ и дорогимъ сердцу Жуковскаго. Его серьезно стала занимать мысль на всю жизнь поселиться въ этомъ городѣ, вблизи дорогой ему могилы, возлѣ которой приготовилъ онъ мѣсто и для себя [2]), но желаніямъ этимъ не суждено было осуществиться. Съ этихъ поръ русское дерптское кладбище сдѣлалось для него какъ бы мѣстомъ паломничества. «Всякій разъ, какъ только онъ могъ отлучиться отъ своихъ занятій при дворѣ—передаетъ д-ръ Зейдлицъ — онъ спѣшилъ уѣхать на могилу Марьи Андреевны, къ своему «алтарю», на которомъ воздвигнулъ чугунный крестъ съ бронзовымъ распятіемъ... Всякій разъ, когда онъ пріѣзжалъ изъ Петербурга въ Дерптъ, онъ прежде всего отправлялся поклониться этой могилѣ, вправо отъ почтовой дороги; возвращаясь изъ Дерпта въ Петербургъ, онъ останавливался тутъ на проща-

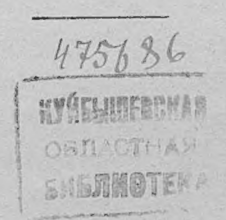
1) Соч. II, стр. 402.
2) К. Зейдлицъ, стр. 132, прим. 2; P. Wiskowatow, Rede, стр. 21.

ніе съ могилою. Во все время пребыванія своего въ Дерптѣ, онъ каждый день, одинъ или въ сопровожденіи родныхъ и дѣтей, посѣщалъ это для него святое мѣсто, даже зимою. Изъ всѣхъ картинъ, представляющихъ эту могилу — онъ же много и самъ ихъ нарисовалъ, и заказывалъ писать — преимущественно любилъ онъ одну, представляющую могильный холмъ въ зимней обстановкѣ: на свѣжемъ снѣгу видны слѣды; мужская фигура въ плащѣ сидитъ у памятника. Сколько разъ въ теченіе 17-ти лѣтъ, пока не оставилъ онъ Россію, побывалъ онъ на этомъ кладбищѣ!» [1]).

Такъ, въ декабрѣ 1823 года былъ онъ въ Дерптѣ, откуда писалъ А. И. Тургеневу, прося его похлопотать въ Петербургѣ въ пользу профессора Дерптскаго университета оберъ-пастора Г. Э. Ленца [2]). Затѣмъ былъ онъ въ Дерптѣ лѣтомъ 1824 года, сопровождая туда для лѣченія (но безъ результата) своего несчастнаго друга поэта К. Н. Батюшкова, и въ этотъ разъ писалъ А. П. Елагиной: «Я остановился на могилѣ Маши; чувство, съ которымъ я взглянулъ на ея тихій, цвѣтущій гробъ, тогда было утѣшительнымъ, усмиряющимъ чувствомъ. Надъ ея могилою небесная тишина! Мы провели вмѣстѣ съ Мойеромъ усладительный часъ на этомъ райскомъ мѣстѣ» [3]). Въ октябрѣ 1827 года Жуковскій пробылъ въ Дерптѣ четыре дня [4]); затѣмъ, онъ былъ тамъ въ сентябрѣ 1833 года, о чемъ, между прочимъ, записалъ въ своемъ дневникѣ, что дѣлалъ визиты къ Асмусу, Блуму, Парроту, Зенфу [5]). Послѣдній разъ посѣтилъ Жуковскій Дерптъ 5 мая 1841 года, отправляясь на постоянное житье за границу, и спѣша на этотъ разъ въ Штуттгартъ, гдѣ 21 мая была назначена и совершилась его свадьба съ Е. А. Рейтернъ, съ отцомъ которой, впослѣдствіи близкимъ другомъ Жуковскаго,

1) Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго, стр. 137—138.
2) Письма, стр. 194—197.
3) К. Зейдлицъ, стр. 138.
4) Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 222—223.
5) Тамъ же, стр. 480, прим.

впервые онъ познакомился также въ Дерптѣ въ 1816 году [1]). Въ этотъ свой пріѣздъ въ Дерптъ Жуковскій, продавши свое имѣніе возлѣ Дерпта Мейерсгофъ д-ру К. К. Зейдлицу, полученные отъ продажи 115,000 рублей назначилъ въ приданое тремъ дочерямъ А. А. Воейковой (умершей 16 февраля 1829 года въ Италіи), а слабоумнаго ея сына Александра распорядился отправить въ Бунино, къ Мойеру, оставившему службу въ Дерптѣ, и Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ [2]). Въ этотъ же послѣдній разъ простился онъ навсегда и съ дорогой ему дерптской могилой этого, по выраженію Жуковскаго, «земного Ангела», который, въ свою очередь, глубоковѣрно оцѣнилъ Жуковскаго, сказавши (въ письмѣ къ д-ру Зейдлицу), что «его прекрасная душа есть одно изъ украшеній Божьяго міра» [3]).

1) П. Загаринъ, стр. 540.
2) К. Зейдлицъ, стр. 175.
3) Тамъ же, стр. 128.

Того же автора

(въ отдѣльныхъ изданіяхъ):

Древнія поученія на воскресные дни великаго поста. Спб. 1886.

Къ вопросу о Кириллахъ — авторахъ въ древне-русской литературѣ. Спб. 1887.

Серапіонъ Владимирскій, русскій проповѣдникъ XIII вѣка. Спб. 1888. Ц. 2 руб.

Нѣсколько новыхъ данныхъ изъ научной и литературной дѣятельности А. Х. Востокова. Спб. 1890.

Изъ исторіи русской литературы XVII вѣка. Сочиненіе о царствіи небесномъ и о воспитаніи чадъ. Спб. 1893. Ц. 50 коп.

Матеріалы и замѣтки изъ исторіи древней русской письменности. I—III. Кіевъ 1894. Ц. 60 коп.

Очерки изъ литературной исторіи Синодика. Спб. 1895. Ц. 2 руб. 50 коп.

Замѣтки о нѣкоторыхъ рукописяхъ, хранящихся въ библіотекѣ Историко-филологическаго Института кн. Безбородко. Кіевъ 1895. Ц. 50 коп.

Письма Н. В. Гоголя къ Н. Я. Прокоповичу (1832—1850). Второе изданіе, свѣренное по подлинникамъ, исправленное и пополненное, съ присоединеніемъ четырехъ писемъ Н. Я. Прокоповича къ Н. В. Гоголю (1847—1850) и двухъ фототипическихъ снимковъ. Кіевъ 1895. Ц. 60 коп.

Гимназія Высшихъ Наукъ князя Безбородко. Историческій очеркъ. Спб. 1895. Ц. 50 коп.

А. С. Грибоѣдовъ. Рѣчь. Кіевъ 1895. Ц. 25 коп.

О нѣкоторыхъ басняхъ Крылова въ педагогическомъ отношеніи. Кіевъ 1895. Ц. 10 коп.

О главнѣйшихъ направленіяхъ въ русской литературѣ XVIII-го и первой четверти XIX-го вѣка. Вступительная лекція. Юрьевъ 1895. Ц. 25 коп.

Изъ бумагъ П. I. Шафарика и В. В. Ганки. Къ исторіи русско-чешскихъ ученыхъ и литературныхъ сношеній въ первой половинѣ XIX вѣка. Юрьевъ 1896. Ц. 50 коп.

О пессимизмѣ И. С. Тургенева. Юрьевъ 1897. Ц. 25 коп.

Объ отношеніяхъ Императора Николая I и А. С. Пушкина. Рѣчь. Юрьевъ 1897. Ц. 20 коп.

Изданія, при которыхъ обозначена цѣна, можно получать въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» (А. С. Суворина) и у автора (Юрьевъ, Университетъ).